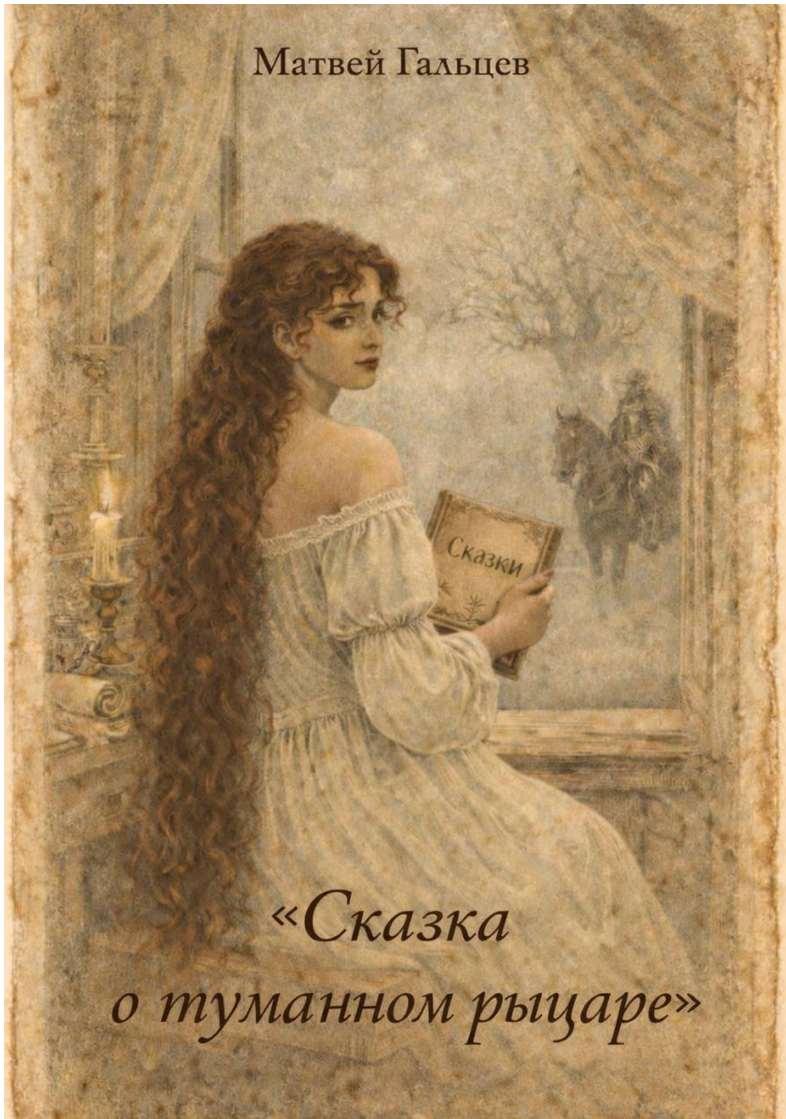

Матвей Гальцев

«Сказка
о туманном рыцаре»

Матвей Гальцев

Сказка о туманном рыцаре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73467868

SelfPub; 2026

Аннотация

Осенью в скучном городке Алиссу готовят к нелюбимому замужеству. Но по ночам в тумане она видит Таинственного Рыцаря – молчаливого стража с древним проклятием. Решившись сбежать от предсказуемой судьбы, девушка уходит с ним в мир духов. Ей предстоит узнать, что у сказок всегда есть цена, а счастье не гарантировано даже за самую смелую жертву.

Мистическая драма о выборе между долгом и свободой, о верности, прошедшей сквозь боль, и о том, что любовь не всегда побеждает тьму – иногда она просто остаётся с ней наедине.

Матвей Гальцев

Сказка о туманном рыцаре

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Осень в городке не наступала – она набегала, как прилив. Сначала лишь кружевной каймой позолоты на листьях клёнов у ратуши. Потом – нагруженными до скрипа телегами, везущими яблоки, тыквы и мешки с зерном с окрестных ферм. Воздух, ещё тёплый от уходящего лета, густел от запахов: сладкой дым костров, где жгли сухой бурьян, пряного дыма коптилен и вездесущего, уютного аромата печёного хлеба. Дни стояли ясные и длинные, но в их звенящей прозрачности уже витало предчувствие скорого укорачивания, замирания.

Городок жил привычным, размеренным ритмом, отбиваемым колоколом на башне городских ворот. Ремесленники стучали молотками в открытых мастерских, торговцы раскладывали свой нехитрый товар на прилавках, а на площади у фонтана шумел рынок, где за медяки можно было купить связку репы, глиняный горшок или пару тёплых вязаных чулок. Это было место, где каждый знал каждого, где новости обходили все дома быстрее, чем осенний ветер, а сплетня становилась общественным достоянием ещё до заката.

На главной улице, Мостовой, стоял дом купца. Он не был самым большим, но самым основательным – из серого, доб-

ротного камня, с массивной дубовой дверью, окованной чёрным железом, и высокими, стрельчатыми окнами. Два этажа солидности и достатка. На первом – контора, где велись счётные книги, и просторная приёмная с камином. На втором – жилые комнаты, пронизанные запахом вощёного дерева, сушёных трав из саше и слабого, постоянного аромата дорогого табака, который курил сам хозяин. Дом был не просто жилищем – он был крепостью, символом положения, и каждый его камень говорил о стабильности, труде и накопленном весе в обществе.

В саду за домом, уже тронутым увяданием, ещё алели последние розы и золотились тяжелые гроздья рябины. Но и здесь царила суетливая осень: служанки снимали и сушили на чердаке яблоки, садовник обвязывал мешковиной молодые деревца, готовя их к зиме.

Внутри же дома витало настроение иное, нежели просто сезонные хлопоты. Здесь царила тихая, но настойчивая суета иного рода – приготовление к свадьбе. Алиссу, единственную дочь купца выдают замуж.

Жених был, что называется, блестящей партией: старший сын семейства владельцев суконной мануфактуры и обширных земель к северу от городка. Молодой Генри – двадцати пяти лет, с правильными чертами лица, аккуратно подстриженными бакенбардами и спокойным, немного отстранённым взглядом человека, привыкшего, что мир вращается по установленным правилам. Он был не глуп, учтив и, что

важнѐе всего, состоятелен. Его визиты в дом были ритуалом: он привозил цветы для леди дома, обсуждал с купцом Элиасом дела и цены на шерсть, а с Алиссой вел чинные, предсказуемые беседы о погоде, о новых книгах и о том, как обустроен парк в их родовом имении.

Для купца этот брак был вершиной его социального восхождения – удачным сплавом капитала и статуса. Для его жены, леди Маргарет, – исполнением материнского долга и гарантией безбедной, почтенной жизни для дочери. Для всего городка – самым ожидаемым событием сезона, темой для восхищённых пересудов.

Но в центре этого всеобщего одобрения, в своей светлой комнате на втором этаже, Алисса чувствовала себя не невестой, а экспонатом. Ее дни были расписаны. Утром – уроки музыки. После полудня – визиты с матерью к таким же дамам из хороших семей, где разговор крутился вокруг приданого, управления слугами и предстоящих рождественских балов. Вечерами – вышивание. Она должна была собственноручно украсить подушки для будущей спальни.

Еѐ приданое, собранное в огромные кедровые сундуки, было образцом практичности и достатка: стопки тончайшего голландского полотна, тюки прочной шерсти, столовое серебро с вензелями, набор фарфора с нежными синими цветами. И главный предмет – свадебное платье. Его шила лучшая портниха в городе. Алиссе казалось, что она проводит целые вечности, стоя на низком столике, пока женщина с бу-

лавками в зубах обмеряла её со всех сторон, щёлкала ножницами по дорожному атласу цвета слоновой кости.

Иногда, оставшись одна, она подходила к окну и смотрела на городскую жизнь внизу. Видела, как девушки-служанки, смеясь, несут корзины с бельём; как мальчишки гоняют по мостовой обруч; как старый художник пишет вывеску для новой таверны. Простая, немудрёная, но такая живая жизнь. Ей казалось, что стекло окна становится всё толще, а звуки с улицы – всё приглушённые. Её собственное будущее виделось ей как бесконечная вереница таких же правильных, тихих комнат, таких же чинных бесед, такого же холодного, скользкого атласа на ощупь.

Она не могла назвать это несчастьем. Её не обижали. Её готовили к роли, которую любая девушка в городе сочла бы за счастье. Но внутри зияла тихая, ноющая пустота, будто её готовили не к жизни, а к аккуратной, почётной консервации. И золотая осень за окном, с её последним, яростным пиром красок и запахов, лишь подчёркивала это чувство угасания, медленного погружения в вежливую, благоуханную спячку. Она смотрела на спешащих по делам горожан и думала, что они свободны в своей суете. А она, в своём красивом доме с каменными стенами, уже чувствовала на плечах невидимую, изящно сшитую мантию ожиданий, которая с каждым днём становилась всё тяжелее.

Первый туман той осени пришёл тихо, как вор. Алисса заметила его не сразу. Стоя у окна перед сном, она лишь от-

метила, что знакомые очертания дальнего леса за рекой стали расплывчатыми, будто подёрнутыми дымкой. Но к полуночи, когда дом погрузился в сонную тишину, её разбудил странный свет. Луна, почти полная, висела в небе, но её холодное сияние не достигало земли – оно тонуло в густой белизне, заполнившей всё пространство за окном. Туман поднялся так высоко, что скрыл стволы деревьев в саду, оставив лишь чёрные крючья самых верхних веток, торчащие из молочной пустыни. Мир за стеклом стал плоским, безвоздушным и нереальным.

Именно тогда, взглядываясь в самую гущу этого светящегося хаоса, туда, где лощина должна была уходить в темноту, она увидела Его.

Это была неясная тень, силуэт, вырезанный из самой плотной части тумана. Вертикальная линия – человек. И ещё одна, горизонтальная и длинная – конь. Они стояли неподвижно, как каменные изваяния на забытом поле. Ни малейшего движения, ни признака жизни. Просто присутствие. Тёмное пятно в белом ничто.

Алисса замерла, дыхание застряло в горле. Она протёрла глаза, но видение не исчезло. Сон, – сказал ей разум. Мираж, игра света и тумана. Она зажгла свечу у кровати, и жёлтый язык пламени на мгновение прогнал призрачный пейзаж за стеклом, вернув отражение её собственного испуганного лица. Погасив свет, она снова взгляделась в темноту. Он всё ещё был там. Ближе, чем ей казалось? Или дальше? В этой ли-

шённой перспективы пелене невозможно было судить.

Наутро туман рассеялся, оставив мир ярким, влажным и невероятно реальным. Солнце играло в каплях на паутине, с крыш капала вода. Видение ночи казалось абсурдным, плодом переутомлённого воображения. Алисса с усердием погрузилась в дневные дела, в примерки, в беседы с матерью о меню свадебного завтрака. Но под слоем обыденности зрело тихое смятение.

Следующей ночью она не спала. Она сидела, закутавшись в шаль, и ждала. И дождалась. Сначала лёгкая дымка, потом – густеющая пелена. И снова, как только белизна достигла определённой плотности, в ней проступил тёмный силуэт. На том же месте. В той же позе. На этот раз сердце её не заколотилось в панике, а упало, замерло от ледяного, щемящего узнавания. Это не было случайностью.

Так начались их странные, безмолвные свидания. Каждую ночь, как только в доме гасли последние огни, Алисса крадась к окну. Туман стал её союзником в обмане – он скрывал свет свечи, если она решала зажечь её, чтобы разглядеть что-то получше. Она изучала эту неподвижную фигуру, пока глаза не начинали слезиться от напряжения. Иногда ей казалось, что видит отблеск на чём-то металлическом – на шлеме? На нагруднике? Иногда – что белый плащ чуть колышется в неощутимом движении воздуха. Она начала жить от ночи к ночи. Дневная жизнь с её платьями, визитами и улыбками стала сном наяву, бледной копией реальности. Ис-

тина наступала с темнотою, когда мир стирался, и оставались только она у окна и Он – в сердце тумана.

Она никому не говорила. Кому? Матери, которая сочла бы её больной? Отцу, озабоченному сделками? Служанкам, которые бы перешёптывались за её спиной? Она заточила свою тайну внутри, и от этого она разбухала, заполняя всё её существо. Страх постепенно вытеснялся навязчивым, почти болезненным любопытством. Кто он? Что он там делает? Почему каждую ночь? Ждёт ли он... меня?

Мысль о том, чтобы выйти к нему, сначала была невыносимой. Выйти ночью из дома одной? Пройти спящий город? Спуститься к реке и войти в эту жуткую, залитую молочным светом лощину? Это было безумием, нарушением всяческих правил. Она представляла холодную влагу тумана на лице, скользкую траву под ногами, полную, давящую тишину того места и содрогалась.

Но однажды вечером, за пару недель до свадьбы, когда портниха принесла почти готовое платье для последней примерки, что-то в Алиссе надломилось. Вид этого белого, совершенного, пугающего своей идеальностью облачения стал последней каплей. Оно было символом конца. Конец её ночных бдений, конца тайны, конца самой возможности иного выбора. В ту ночь туман был особенно густ, он стелился уже по самой улице, скрадывая контуры фонарей. А рыцарь в лощине казался ближе, чем когда-либо, почти у самого края видимости.

И решение пришло не как порыв отчаяния, а как тихое, неотвратимое осознание. Она не могла надеть то платье, не узнав. Не могла уйти в неволю, не попытавшись коснуться, пусть и страшной, загадки. Это было безумие, но безумие, имевшее для неё больше смысла, чем вся предстоящая разумная жизнь.

Дрожащими руками, при свете одной свечи, она надела простое платье из темного бархата, и простую шерстяную накидку с капюшоном. На ноги – ботинки с небольшим каблучком. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Каждый скрип половицы под ногами звучал для неё как удар грома. Она знала, что чёрный ход не запирают на ночь до прихода дворника. Проскользнув в кухню, где потухший очаг ещё хранил тепло, она на мгновение замерла, слушая храп кухарки за перегородкой.

Потом – щелчок засова, который показался ей оглушительным. И она вышла. Холодный, влажный воздух ударил в лицо. Туман обнял её, сразу же сделав невидимой со стороны дома. Она оглянулась – окна были тёмными, лишь в одном, её окне, мерцал одинокий огонёк свечи, которую она оставила гореть, чтобы не заподозрили её отсутствия слишком рано.

И тогда она повернулась и пошла. Мимо спящих домов, чьи фасады тонули в белесой мути, по пустынной Мостовой, где её шаги отдавались глухим, приглушённым эхом. Она шла, не думая, почти не дыша, ведомая лишь тянущей нитью

того, что ждало в конце пути. Страх был, но он шёл где-то сбоку, отдельно. Главным было странное, почти болезненное чувство предопределённости. Каждый шаг в холодную, слепую пелену был шагом к той неподвижной тёмной точке, что так долго манила её из безопасного далека.

Она шла долго. Покинула последние дома, миновала покосившийся забор, вышла на сырую луговину, спускающуюся к реке. Туман здесь был ещё гуще, он лип к одежде, застилал глаза. Она шла наощупь, почти вслепую, по памяти и внутреннему чутью. Наконец, под ногами захлюпала вода – это был мелкий брод. Она перешла его, леденящая вода на мгновение залила ботинки. И вот она – в лощине.

Туман казалось расступался. Здесь было тихо, так тихо, что звенело в ушах. Свет луны, рассеянный миллиардами капелек, создавал ровное, бестелесное свечение, а среди всего этого томного спокойствия стоял он.

Она застыла в пятнадцати шагах, ловя рваный ритм своего дыхания. Он был неподвижен. Конь под ним, огромный вороной жеребец, пофыркивал, выпуская клубы пара в холод. Но всё её внимание было приковано к Всаднику.

В лунном свете, рассеянном туманом, его доспехи отливали глубоким, матовым синеватым оттенком, как сталь, закалённая в самых глубинах ночи. Они были тяжелыми, монументальными – и в этой мощи была не грубость, а сдержанная, совершенная мощь. И белый плащ. Он был не ослепительным, а мягким, как первый иней, длинным и тяжелым,

ниспадающим с одного плеча благородной складкой.

Он медленно, с едва слышным мелодичным звоном сотен мелких пластинок, двинулся. Рыцарь спустился на землю. И тогда Алисса осознала его истинный рост. Он был великаном, явно больше двух метров. Земля слегка дрогнула под его тяжестью. Он сделал шаг вперёд. Его поступь была негромкой, но необычайно уверенной.

Десять шагов. Пять.

Теперь она слышала его дыхание – глубокое, размеренное, как далёкий прибой, просачивающееся сквозь решётку забрала. От него исходило не холодное сияние призрака, а сдержанное тепло живого, мощного тела, смешанное с запахом чистой стали, кожи и свежей, влажной шерсти плаща.

Он остановился в двух шагах. Так близко, что она могла разглядеть тонкую сетку заклёпок на его темно-сизом нагруднике, пылцу тумана, осевшую на его зеркальных наплечниках. И забрало. Оно было опущено, скрывая лицо, но в узких, вертикальных прорезях – не было пустоты. Там, в глубине, светились глаза.

Они были голубыми. Цвета зимнего льда на рассвете, пронзительными и ясными, но не холодными. В них был свет – тихий, устойчивый, словно свет далёкой, но верной звезды. Эти глаза смотрели на неё с невероятной, безмолвной сосредоточенностью. В них не было угрозы. Было внимание. Полное, всепоглощающее, как будто в этот миг для него не существовало ничего во всём мире, кроме неё, стоящей пе-

ред ним в дрожащем от холода и волнения комочке.

Он не сделал резких движений. Медленно, с той же величавой аккуратностью, он поднял правую руку. Его рука в латной перчатке остановилась в воздухе между ними, ладонью вверх. Это не был жест требования. Это было приглашение. Предложение.

Все её страхи, все голоса разума, кричавшие о безумии, вдруг смолкли, приглушённые этим тихим, голубым взглядом из-под стали и мерным звуком его дыхания. В этом взгляде была такая странная, бесконечная печаль и такое же бесконечное ожидание, что её собственное сердце отозвалось на него тихой, щемящей болью.

Она сделала шаг навстречу. Потом ещё один. Её рука, маленькая и бледная, поднялась, почти не дрожа. Она положила свои кончики пальцев на холодную металлическую пластину его ладони.

Он не схватил её. Он просто позволил ей лечь там. А затем, с нежностью, невероятной для такой огромной, закованной в сталь фигуры, он сомкнул свои пальцы – не сжимая, а просто приняв её руку в свою. Тепло его руки сквозь перчатку было слабым, но несомненным.

И тогда он повернулся. Он мягко повёл её, не отпуская руки, прочь от того места, прочь в сторону едва слышного плеска воды. Конь, не нуждаясь в приказе, тихо зашагал следом, сохраняя почтительную дистанцию.

Они шли вдоль невидимой в тумане реки. Он шёл мед-

ленно, подстраивая свои огромные шаги под её маленькие, неровные. Его белый плащ шелестел о мокрую траву. Единственными звуками были их шаги, далекий плеск воды и его глубокое, спокойное дыхание у неё над головой. Он не смотрел на неё, его взгляд был устремлён вперед, сквозь пелену, но она чувствовала – всё его существо было направлено на неё. На её руку в его руке. На её присутствие рядом.

Они не говорили. Им не нужны были слова. Прогулка вдоль ночной реки под покровом тумана с безмолвным гигантом в белом плаще была сама по себе целой вселенной, полной невысказанных обещаний и тихих вопросов. Для Алиссы этого странного, немного общения, этого контакта сквозь сталь и туман, было больше, чем всех разговоров, что она вела за свою жизнь. Она шла, и её душа, сжатая долгими неделями ожидания и страха, наконец, расправила крылья в этой прохладной, серебряной свободе ночи.

Они вышли к самому берегу. Туман здесь был тоньше, и лунный свет, пробиваясь сквозь него, серебрил темную, медленную воду. Конь, словно понимая невысказанное желание хозяина, мягко подошёл сбоку и опустил свою крупную голову, будто кланяясь. Алисса замерла, глядя на влажную, блестящую гриву и большие, умные глаза животного.

Рыцарь, не отпуская её руки, мягко направил её ладонь к морде коня. Она коснулась мягкой, бархатистой шерсти на его носу. Конь фыркнул, теплый воздух обжег её пальцы, и толкнул её ладонь своим мощным лбом, требуя продолже-

ния. Алисса не сдержала улыбки. Это был первый искренний, легкий звук, сорвавшийся с её губ за долгие недели. Она засмеялась тихо, смущённо, и начала гладить тёплый, живой бок, чувствуя, как под кожей играют сильные мускулы.

Голубые глаза в прорезях шлема наблюдали за ней. В них, казалось, мелькнула тень чего-то тёплого, но по-прежнему бесконечно далёкого и печального. Ободрённая этой минутой простого счастья, Алисса подняла на него взгляд.

– Кто вы? – прошептала она, и её голос прозвучал громче, чем она ожидала, разрывая звенящую тишину ночи.

Рыцарь замер. Он смотрел на неё, и его дыхание из-под решётки на мгновение стало чуть глубже. Затем он медленно, очень медленно, покачал головой. Металл тихо скрипнул. Его голос, когда он наконец заговорил, оказался на удивление низким и мягким, как отдалённый раскат грома за горами, но каждое слово было чётким и ясным.

– Не сегодня.

В этих двух словах была целая вселенная сожаления и обещания. Алисса почувствовала, как лёгкая, как пух, грусть коснулась её сердца, но не ранила. Она кивнула, принимая эти правила. Они снова двинулись в путь, и её рука по-прежнему покоилась в его. Молчание между ними стало другим – не пустым, а наполненным этим невысказанным вопросом и тихим согласием ждать ответа.

Они шли так, может, час, а может, вечность, пока первые, самые тонкие нити перламутрового света не начали про-

шивать восточный край неба. Туман начал светлеть, терять свою волшебную плотность.

Рыцарь остановился. Он осторожно отпустил её руку и повернулся к ней.

– Вам пора, – сказал он, и его голос звучал теперь с оттенком неумолимой нежности. – Я буду ждать вас завтра. На том же месте.

Прежде чем она успела что-то ответить, он легко, одним плавным движением, поднял её и усадил на коня его руки взяли поводья и он повел жеребца через реку.

Через мгновение они оказались на знакомом лугу, уже на её стороне. Городок, тёмный и безмолвный, виднелся вдалеке. Рыцарь снова легко, будто она и правда была невесомой, снял её с седла и поставил на землю. Он не стал подходить близко, но сделал глубокий, почтительный поклон, склонив перед ней голову в шлеме. Его белый плащ коснулся земли.

– Идите, – мягко произнёс он. – Пока туман не рассеялся.

Алисса кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она сделала шаг назад, потом ещё один, не в силах оторвать взгляда от этой высокой, одинокой фигуры на фоне светлеющего неба. Потом развернулась и побежала. Бежала по росе, не оглядываясь, пока не достигла чёрного хода. Лишь на пороге она обернулась.

Луна уже почти погасла. Солнечный луч, тонкий как лезвие бритвы, тронул верхушки дальних деревьев. Туман таял на глазах, превращаясь в прозрачную дымку, а затем и вовсе

растворяясь в утреннем воздухе. И по мере того, как исчезала пелена, растворялся и он. Сначала стали прозрачными его белый плащ и конь, затем тёмно-сизая сталь доспехов. В последнюю очередь пропали его глаза – два голубых огонька, всё так же смотревшие на неё. А потом не осталось ничего. Только пустой, влажный луг, освещённый первым солнцем, и запах яблок и дыма из проснувшегося дома.

Алисса прижала ладонь к груди, где сердце билось как сумасшедшее. Она была дома. Но часть её души теперь навсегда осталась там, на том берегу, в серебристом тумане, в тени белого плаща и в свете двух голубых, обещающих звёзд. Завтра. Он ждёт её завтра.

День ворвался в дом с настойчивостью колокольного звона, созывающего на утреннюю службу. Солнечный свет, жёлтый и наглый после ночной тайны, заливал комнаты, выгоняя из углов последние тени. Дом проснулся не просто ото сна – он вскочил на ноги, засуетился, загремел посудой и загудел голосами. Приготовления к свадьбе вступили в финальную, лихорадочную фазу.

Алиссу разбудила не горничная, а собственное сердце, всё ещё отчаянно стучавшее в такт вчерашним шагам вдоль реки. Она лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, а в ушах у неё всё ещё звучал тот низкий, мягкий голос: "Не сегодня...". Его слова были яснее любого утреннего наставления.

Но день не терпел призраков. Его натиск был неумолим.

– Мисс Алисса, вставайте! – ворвалась в комнату, её личная горничная, с охапкой свежeweыглаженного белья. – Мадам уже спрашивает! Портниха будет через час для последней примерки, а после – визит к цветочника для выбора венка!

Алисса позволила себя поднять, умыть, одеть. Её движения были механическими, как у прекрасно сделанной куклы. Пока служанка застёгивала на ней утреннее платье, она смотрела в окно. Лощина за рекой в ярком свете дня казалась обычной, даже уютной – зелёной, с золотыми вкраплениями осенней листвы. Ни намёка на серебристую пелену, ни тени всадника. Ночное приключение казалось сном. Но на ладони, казалось, ещё сохранялось призрачное ощущение холодной металлической пластины, а в памяти – тепло дыхания из-под забрала.

За завтраком мать, леди Маргарет, говорила без умолку. Её голос, звонкий и деловитый, резал воздух, как ножницы.

– ...и обязательно спроси у цветочника про мирт, он должен быть из нашего сада, это традиция... Генри пришлет карету в четыре, вы поедете с ним пробовать свадебный торт у кондитера... Ах, да, не забудь улыбаться, дитя. Ты выглядишь бледной. Ты выспалась?

Алисса кивала, подносила ко рту кусочек тоста, не чувствуя его вкуса. Она "выглядела бледной", потому что всё её существо было ещё там, в прохладной синеве ночи. Она "улыбалась" – уголки её губ механически поднимались в

знакомом, отработанном жесте. Но её мысли были далеко. Она вспоминала, как конь фыркнул ей в ладонь. Как грубая шерсть плаща колыхалась на утреннем ветерку. Как его голубые глаза смотрели на неё с тихой, всепонимающей печалью.

В комнате портнихи её снова затянули в корсет, заставили встать на табурет. Женщина, придерживая булавки в уголке рта, обходила её, щёлкая языком и поправляя складки на белом атласе.

– Стойте ровнее, мисс, – ворчала она. – Плечи расправьте. Представьте, как вы идёте к алтарю.

Алисса закрыла глаза. Она представляла не алтарь, а тёмную воду реки, рассекаемую могучими копытами. Она не шла – её несли. Она не была скована корсетом и кринолином – её окружали лишь сталь и белая шерсть.

В карете Генри, её жених, говорил о деловых перспективах, о новом паровом двигателе для мануфактуры его отца, о ценах на хлопок. Его голос был приятным, ровным. Он взял её руку в свои – ухоженные, тёплые, пахнувшие хорошим мылом. И Алисса снова ощутила контраст. Эти руки никогда не поднимут её, как перышко. В них не будет той скрытой, чудовищной силы и той же бережной нежности. Она смотрела на его наигранно-открытое лицо и думала о скрытом лице, о взгляде, полном вековой тоски.

Весь день был таким – яркой, шумной, бессмысленной маской, надетой поверх ночной тишины. Она произносила

нужные слова, улыбалась нужным людям, выбирала розы вместо лилий, кремовую глазурь вместо шоколадной. Но её пробудившаяся душа, молча наблюдала за этим спектаклем изнутри, скучая и считая часы.

И когда сумерки наконец начали сгущаться, окрашивая небо в сиреневые тона, в её груди вспыхнуло не тревожное, а ликующее ожидание. Суета дня была лишь антрактом. Истинная жизнь, жизнь, в которой билось её настоящее сердце, начиналась с первым клубком тумана, выползающим из лощины. Она смотрела в окно своей спальни, игнорируя ужин под предлогом головной боли, и ждала. Ждала, когда последний луч солнца угаснет, и ночь с её голубыми глазами и белым плащом снова позовёт её к себе. Завтра, сказал он. Но для неё "завтра" началось ровно в тот миг, когда он исчез в утреннем свете.

На этот раз Алисса подготовилась. Она надела платье из мягкого, глубокого бархата цвета ночного неба. Оно было простым, без кринолина, с узкими рукавами, позволявшими свободно двигаться. В сундуке нашлась белая кашемировая шаль с кистями, лёгкая и тёплая. А в глубине гардеробной – почти забытые кожаные сапожки на маленьком, устойчивом каблуке, в которых она когда-то бегала по саду ребёнком.

Когда дом наконец погрузился в сонное молчание, она не стала ждать у окна. Сердце её уже билось в такт скачке. Едва первые струйки тумана потянулись из лощины, Алисса, подобно тени, скользнула по тёмной лестнице и выпорхнула

в ночь. Темно голубой бархат сливался с темнотой, а белая шаль мелькала, как крыло мотылька.

Она почти не чувствовала холода. Адреналин и предвкушение гнали её вперёд. Она перебежала знакомый брод, не обращая внимания на леденящую воду, залившую сапожки. И вот он. Там же. На том же месте. Конь фыркнул, узнав её. А сам Всадник... он стоял чуть прямее, и даже сквозь неподвижность доспехов чувствовалось напряжение ожидания. Когда она, запыхавшаяся, с сияющими глазами, появилась перед ним, он медленно, торжественно склонил голову. И хотя лицо его было скрыто, во всей его позе читалось безмолвное, но ясное: "Я ждал. И я рад".

Он не стал вести её пешком. С ловкостью, поражавшей для его роста и тяжёлого обличья, он подхватил её и усадил в седло. Он вновь взял коня под уздцы и, обернувшись к ней, коротко кивнул – "Держись". И они рванули с места.

Это не была таинственная, медленная процессия в тумане. Это была бешеная, радостная скачка. Конь, могучий и послушный, понёсся вдоль каменистого берега реки. Его копыта высекали снопы серебряных брызг из ночной воды, которые летели им навстречу, сверкая в лунном свете. Ветер свистел в ушах Алиссы, откидывая шаль назад, трепля волосы. Она вскрикивала от восторга, вцепившись в лук седла, а потом – смеялась. Звонко, беззаботно, так, как не смеялась, кажется, с самого детства.

Он бежал рядом, его мощные шаги легко поспевали за

скачущим конём, белый плащ развевался за ним, как знамя. Из-под забрала донёсся низкий, грудной звук – не смех, но его явный отголосок. Удовольствие. Глубокое и тихое.

Когда они наконец остановились, оба запыхавшиеся – она от смеха, он, должно быть, от бега в полном облачении – на тихом лугу в стороне от реки, мир снова замер в восхитительной тишине. Он снял её с коня и, отпустив того пастись, повёл её медленным шагом. Алисса, всё ещё под впечатлением от скачки, чувствовала, как слова рвутся наружу. И она заговорила. Не приставая с вопросами к нему, а рассказывая о себе. О том, как скучно бывает в большом, тихом доме. О книгах, которые она тайком читает в библиотеке отца. О своем старом пони, который давно умер. О запахе яблочного пирога, который пекла её няня. О том, как она боится... не темноты, а тишины, которая наступает, когда все планы уже составлены, и впереди – только их исполнение.

Она говорила тихо, смотря себе под ноги, а он шёл рядом, слушая. Он не прерывал, не делал жестов. Но в его внимании, в наклоне головы, в редких, коротких кивках был такой глубокий интерес, что она чувствовала себя услышанной и понятой как никогда. Он ловил каждое её слово, будто каждая её деталь была драгоценностью. И в этом безмолвном диалоге, под аккомпанемент далёкого плеска реки и пофыркивания коня, её душа, зажатая в тисках ожиданий, расправлялась и пела тихую, счастливую песню свободы.

Рассвет настиг их на том же лугу, где Алисса смеялась и

рассказывала о своей жизни. Первая полоска света, розовая и неумолимая, прорезала серый восток. Рыцарь остановился и повернулся к ней. Он взял её руки в свои латные перчатки. В его голубых глазах, видимых сквозь решётку, светилась всё та же тихая грусть, но теперь к ней добавилось что-то новое – твёрдая решимость.

– Тебе пора, – сказал он, и его голос звучал, как отдалённый колокол. – Но вернись. Завтра. Я буду ждать. Обещаю.

Она кивнула, сжимая его пальцы, словно пытаюсь удержать этот миг, эту уверенность. Потом он снова усадил её на коня, переправил через реку и, сняв на её берегу, склонился в том же почтительном, глубоком поклоне.

На этот раз она бежала домой, оглядываясь чаще. Сердце её было переполнено не тревогой, а сладким, жгучим предвкушением. Скорее бы ночь. Она повторяла эти слова про себя, как молитву. Она наблюдала, как фигура в белом плаще на том берегу медленно теряет очертания, растворяясь в светлеющей дымке, и чувствовала не потерю, а обещание. Солнце взошло, туман исчез, а вместе с ним и он. Но теперь его исчезновение было лишь паузой, антрактом перед главным действием.

Однако день приготовил ей иную пьесу.

Усталость после бессонной ночи дала о себе знать. За завтраком Алисса не смогла скрыть зевоту, пальцы её дрожали, когда она подносила чашку. Бледность не сходила с её лица, а в глазах, обычно таких ясных, светилась странная, от-

решенная глубина. Леди Маргарет наблюдала за дочерью с нарастающим беспокойством.

– Дитя моё, ты едва трогаешь еду. И глаза у тебя... будто ты не здесь. Это предсвадебная лихорадка, – заключила она, но в голосе её прозвучала тревога, выходящая за рамки обычного волнения. – Тебе нужен покой. И, пожалуй, меньше волнений.

Однако "покой" не помог. Алисса, оставшись в своей комнате, не могла усидеть на месте. Она подходила к окну, прикасалась к стеклу на том месте, где исчезала его фигура, и улыбалась своим мыслям. Она перебирала в памяти каждую деталь ночи: брызги воды, смех, его твёрдый взгляд. Её отрешенность и тихая, светлая одержимость были слишком очевидны для пронизательного взгляда матери.

К вечеру леди Маргарет, всерьёз обеспокоенная, пригласила в кабинет мужа. Разговор был недолгим и деловым.

– Она не в себе, Родерик, – сказала леди Маргарет, опуская голос. – Мечтательность, бледность, этот блуждающий взгляд... Я знаю эти признаки. Это не просто нервы. Это может перерасти в чёрную меланхолию, в болезнь души. Девичий ум в такие моменты слаб и подвержен дурным мыслям. Я видела, как это кончалось у других.

Отца Алиссы пугали не болезни души, а срывы выгодных сделок и общественный скандал. Вид дочери-невесты, погружённой в непонятную тоску, был для него таким же дурным предзнаменованием, как надломленная мачта для ко-

рабля.

– Нужно действовать быстро, – отчеканил он, стуча кулаком по столу. – Чем дольше тянется ожидание, тем больше пространства для глупостей. Свадьба должна состояться немедленно. Всё готово. Я поговорю с Генри.

Решение было принято. Свадьбу, с согласия семьи жениха, перенесли. Не через неделю, не через месяц. Через два дня. Был вторник. В четверг Алисса должна была надеть белое атласное платье и стать законной женой.

Когда мать, с напускной бодростью, сообщила ей эту новость вечером, мир Алиссы рухнул. Весь её внутренний свет, все надежды на "следующую ночь" были раздавлены этим холодным, практическим решением. Через два дня. В её ушах зазвучал не голос рыцаря, а мерный, безжалостный стук свадебных колоколов. Она почувствовала физическую тошноту от ужаса.

Но паника быстро сменилась ледяной, хрустальной ясностью. У неё оставалась две ночи. Две встречи. Он обещал, что будет ждать её. Теперь она должна была рассказать ему. Только он мог что-то изменить. Только в его власти, в этой таинственной, туманной реальности, могло найтись спасение.

Она не плакала. Она просто сидела у окна, вцепившись пальцами в подоконник, и смотрела на темнеющую лощину. Теперь она ждала туман не с радостным трепетом, а с отчаянной, последней надеждой. Она должна была увидеть его.

Сегодня. Иначе – конец.

На этот раз Алисса не ждала туман у окна. Она металась по комнате, как раненый зверь в клетке. Слезы подступали к горлу, но она сжимала кулаки, не давая им пролиться – плач был роскошью, на которую не оставалось времени. Когда первые молочные клубы потянулись из ложины, она была уже у черного хода. На ней было то же голубое бархатное платье – теперь оно казалось траурным саваном её свободы. Она выскочила в ночь и побежала, не чуя под собой ног, спотыкаясь о корни и камни.

Она увидела его издалека. Он стоял не на месте, а как будто на полпути к броду, словно предчувствуя её панику. Когда она, запыхавшаяся, со слезами, наконец, брызнувшими из глаз, подбежала к нему, слова вырвались сплошным, сдавленным потоком:

– В четверг! Отец... мать... они перенесли свадьбу на послезавтра! Они увезут меня, я... я не могу!

Она сжала его латную перчатку, и её плечи затряслись от беззвучных рыданий. Рыцарь замер. Его голубые глаза в прорезях шлема сузились, в них мелькнула тень чего-то тёмного и стремительного, похожего на ярость, но мгновенно усмирённой. Он осторожно высвободил руку из её хватки и, к её удивлению, обнял её. Нежно, но крепко, прижав к холодной стали своей кирасы. Его белый плащ окутал её, как крыло. В этом объятии не было страсти – только защита и безмолвное обещание: "Я здесь. Ты не одна".

Он долго молчал, просто держа её, пока её рыдания не стихли, превратившись в прерывистые вздохи.

– Дай мне подумать, – наконец произнёс он, и его голос был тише обычного, будто приглушённый огромным весом принятого решения.

Он не отпустил её руку. Он просто повёл её прочь от реки, вглубь своих владений – туда, где туман был гуще, а ночные звуки приглушённой. Они шли, держась за руки, почти не разговаривая. Но это молчание было уже иным – не лёгким, а тяжёлым, насыщенным невысказанными мыслями и надвигающимся выбором. Алисса прижималась к его руке, черпая в его спокойной силе опору для своей дрожащей души. Она смотрела на ивы, обёрнутые в серебристые косынки тумана, на тёмную воду, в которой отражались звёзды, и мысленно прощалась. С каждым шагом она чувствовала, как привязанность к этому ночному миру, к этому безмолвному гиганту, впивается в её сердце корнями глубже любого страха.

Когда восток начал светлеть, окрашивая туман в лиловые тона, он остановился. Повернулся к ней и взял обе её руки в свои. Его взгляд был невыносимо серьёзным.

– Завтра, – сказал он, и каждое слово падало, как капля расплавленного металла, запечатлеваясь в её памяти. – Как только все в твоём доме уснут. Приходи. В старую часовню на краю города. Ту, что в руинах, у дубовой рощи.

Он сделал паузу, давая ей осознать.

– Если ты готова. Готова решиться. Стать моей. Мы об-

венчаемся. Только мы двое, под звёздами и сводами, помнящими древние клятвы. А потом я увезу тебя. Далёко отсюда. Туда, где нет отцовских решений, свадебных планов и чужих ожиданий. Там... там ты будешь свободна.

Он склонился ближе, и его голос стал шёпотом, полным древней, нечеловеческой магии:

– Если согласна – приходи. Я буду ждать.

Он не ждал ответа. Он видел, как в её глазах, широко раскрытых от изумления и страха, борются ужас перед бездной неизвестного и отчаянная жажда спасения. Он видел, как семя его предложения упало в плодородную почву её отчаяния и начало мгновенно, неукротимо прорастать.

Он снова переправил её через реку. На этот раз его поклон был не почтительным, а каким-то... прощальным. Будто он знал, что возможно видит её последний раз.

Алисса бежала домой не оглядываясь. Внутри неё бушевала буря. Часовня. Венчание. Бегство. Слова звучали как безумие. Но разве её нынешняя жизнь, навязанная ей, не была большим безумием? Мысль о побеге пугала до озноба. Но мысль о дне свадьбы, о том, чтобы надеть то белое платье и дать обет другому человеку, пока её сердце принадлежало призраку в белом плаще, вызывала настоящую, животную панику.

Она вернулась в свою комнату на рассвете, села на кровать и уставилась в стену. Сомнение, посеянное им, уже не было семенем. Это было дерево, чьи корни разрывали её на

части. С одной стороны – весь её привычный мир, долг, безопасность, пусть и душная. С другой – туман, тайна, он... и свобода, страшная и манящая, как пропасть.

День прошёл в каком-то кошмарном полусне. Приготовления теперь велись с лихорадочной скоростью. Суэта была оглушительной, но Алисса слышала лишь гул в ушах. Она ловила на себе взгляды родителей – тревожные, оценивающие. Они видели её бледность и глубокую задумчивость и, вероятно, списывали это на покорность судьбе. Они не знали, что их дочь стояла на краю иного, куда более страшного обрыва, решая, прыгнуть ли в неизвестность ночи или позволить себя аккуратно столкнуть в приготовленную для неё золотую клетку.

Последний день перед свадьбой стал бесконечным маскарадом. Леди Маргарет, подгоняемая нервами и торжественностью момента, превратилась в вихрь шёлка, наставлений и благоухающих пудрой поцелуев. Она суетилась вокруг дочери, поправляя несуществующие морщинки на её утреннем платье, без умолку говоря о грядущем "счастье".

– Представь, дорогая, твой собственный экипаж! А весной мы поедem в столицу, ты будешь представлена ко двору! О, а из дом... в гостиной там мраморный камин, я видела! Ты будешь самой счастливой из женщин, я это знаю!

Её слова звенели в ушах Алиссы пустыми жестяными побрякушками. Алисса стояла посреди комнаты, куда служанки заносили последние коробки с приданым, с пустым, от-

сутствующим взглядом. Она была похожа на изящную фарфоровую куклу, у которой застыла маска вежливой улыбки, но внутри механизм был сломан. Усталость затуманивала её мысли, а страх – холодный, липкий – сжимал горло. Она стояла на самом острие выбора, и обе дороги казались отвесными обрывами.

Мать, наконец, заметила её ледяную неподвижность.

– Дитя, ты просто измучена! – воскликнула она, прикладывая прохладную ладонь ко лбу дочери. – Это нормально. Последние дни невесты всегда полны волнений. Тебе нужно отдохнуть. Ложись, постарайся уснуть. Завтра тебе понадобятся силы.

Её увели в спальню. Дверь закрылась, оставив её одну с решением, которое нужно было принять сейчас. Суэта за дверью постепенно стихла, дом погрузился в напряжённую, предпраздничную тишину.

Алисса подошла к окну. Туман уже стлался по ложине, густой и зовущий, как всегда. Но сегодня он вёл не к месту их встреч, а к старой часовне на краю города. Она обернулась и взглянула на свадебное платье. Оно висело на резной вешалке у шкафа, ослепительно белое, совершенное и абсолютно мёртвое. Атлас холодно поблёскивал в свете единственной свечи. Это был саван её старой жизни.

Она вытерла усталые, сухие глаза ладонью. Больше слёз не было. Была только ледяная, хрустальная ясность.

Она действовала медленно, почти ритуально. Сняла

утренней платье и все же решила, она вырвала со свадебного платья тугой корсет, достала жесткий кринолин и надела, теперь оно было свободным, длинным даже слегка волочилось по полу. Это был её ответ, её решение. Она накинула белую шаль что брала на ночные свидания и раньше. Её каштановые волосы, обычно уложенные в сложную причёску, сегодня были просто расчёсаны и ниспадали тяжёлыми волнами.

Алисса не оглядывалась на комнату. Не смотрела на игрушки в стеклянном шкафу, на книги на полке, на мягкое кресло у камина. Она взяла свечу со стола, поставила её на подоконник своего окна – маленький, ложный маяк для спящего дома. Пусть думают, что она читает или молится.

Потом она повернулась и тихо, незвучно, как призрак, покинула комнату. Спустилась по тёмной лестнице. Вышла в сад. Холодный ночной воздух обжёт лёгкие, но она вдохнула его полной грудью – первый глоток свободы, горький и пьянящий.

У калитки она остановилась и обернулась. В её окне, на втором этаже, дрожал одинокий огонёк свечи. Крошечный, тёплый, обманчивый островок её прошлой жизни. Она смотрела на него, и в груди что-то сжалось от пронзительной боли прощания. Но это была боль очищения.

Она развернулась и пошла. Не побежала, как раньше, а пошла неспешным, твёрдым шагом. Дорога к старой часовне была долгой, она шла через спящий город, мимо тёмных

лавок и домов, где за закрытыми ставнями люди спали, не ведая, что мимо них проходит девушка, выбирающая свою судьбу. Она шла, и каждый шаг, казалось, ещё сильнее укоренял её в принятом решении. Сомнения не исчезли – они шли рядом, шёпотом напоминая о безопасности, о долге, о страхе перед неизвестным. Но её ноги несли её вперёд. К нему. К туману. К обещанию иного пути.

Она уже сделала выбор. Ещё там, в комнате, меняя тугой корсет на свободное дыхание. Теперь она просто шла его исполнять. И чем ближе была окраина города, чем гуще становился знакомый туман, тем легче становилось на душе. Страх не ушёл, но его подавила огромная, тихая волна решимости. Она шла на свою настоящую свадьбу.

Старая часовня стояла на отшибе, утопая в клубящемся тумане и густом мраке дубовой рощи. Её каменные стены, поросшие плющом, были изъедены временем, крыша частично обвалилась, открывая звёздное небо. У входа, как тёмная статуя, стоял вороной конь, неподвижный, лишь изредка вздрагивая кожей. Призрачный свет полной луны, пробиваясь сквозь дыры в сводах, выхватывал из темноты грудь камней у алтаря и одинокую, высокую фигуру.

Это был он. Рыцарь в тёмно-сизых доспехах и белом плаще, стоящий лицом к разрушенному алтарю, будто созерцая нечто, видимое лишь ему. Его осанка была напряжённой, полной ожидания.

Алисса замерла у края рощи, прячась за мшистой колон-

ной дуба. Сердце колотилось так, что, казалось, оглушит всю округу. Белое платье сливалось с туманом, делая её призраком среди призраков. Всё в ней кричало, чтобы она развернулась и побежала назад, к тёплой постели, к предсказуемому завтра. Мысли о родителях, о Генри, о скандале и позоре метались в голове, как испуганные птицы.

Она смотрела на его спину, на белый плащ, неподвижный в безветренной ночи. И вспоминала холодный туман на своей коже – живой, дышащий. Вспоминала его глаза в прорези шлема. Его молчаливую силу. Его обещание свободы. Камин в богатом доме был тёплым, но он грел тело, оставляя душу в ледяной пустоте. А этот ночной холод... он проникал внутрь, пробуждая что-то настоящее, дикое, её собственное.

Она сделала шаг из-за дерева. Потом ещё один. Струющаяся ткань платья шуршала по камням. Конь повернул к ней голову, но не зафыркал. Рыцарь не обернулся, но, казалось, всё его существо напряглось, уловив её присутствие.

И тогда она пошла. Быстро, почти побежала, спотыкаясь о неровности пола, устланного опавшими листьями и обломками. Она не думала больше ни о чём. Она видела только его.

Услышав её шаги, он наконец медленно повернулся. Лунный свет упал на его шлем, скользнул по тёмной стали наплечников, заиграл на белизне плаща. Он увидел её – в её белом, настоящем, свадебном платье, с распущенными волосами и глазами, полными отчаянной решимости. Он раскрыл руки.

Она влетела в это ожидающее пространство, и его руки сомкнулись вокруг неё. Он прижал её к холодной стали своего облачения так крепко, что она едва могла дышать, но в этом объятии было больше безопасности, чем она когда-либо знала. Она вжалась лицом в его нагрудник, пахнущий ночью и дальними дорогами.

– Я не могла... я думала, не решусь... – выдохнула она, её голос был сдавленным от слёз, которых не было. – Но этот холод этот туман... он греёт меня сильнее любого мраморного камина.

Он отстранился ровно настолько, чтобы взять её лицо в свои латные перчатки. Его голубые глаза, горящие в тени забрала, смотрели на неё с таким желанием, что у неё перехватило дыхание.

– Ты пришла, – произнёс он, и это было не констатацией, а благодарностью, обетом и началом ритуала. Он отпустил её, взял за руку и повёл к тому, что осталось от алтаря. Там, на груди камней, лежала старая, потрёпанная книга в кожаном переплёте и две простые серебряные веточки, похожие на омелу.

Он опустился перед ней на одно колено, всё ещё держа её руку. Его голос, низкий и торжественный, заполнил пустое пространство часовни, звуча древнее, чем сами эти камни:

– Пред этим небом, что видит нас сквозь руины. Пред этой землёй, что помнит иные клятвы. Пред звёздами, свидетелями вечности, и пред тобой, чьё сердце я услышал в тиши-

не, – клянусь. Клянусь быть твоим щитом в любой тьме, твоей опорой на любой стезе. Клянусь хранить твою свободу как самый драгоценный дар и твою тайну как свою собственную душу. Моя сталь – для твоей защиты, моя верность – до расвета последнего дня. Я отдаю тебе всё, что я есть, и всё, чем буду. Прими мою клятву, Алисса.

Тишина повисла в воздухе, густая, как туман. Алисса смотрела на него, и слёзы наконец потекли по её щекам, но это были слёзы очищения. Её руки дрожали, когда она потянулась к его шлему. Он не сопротивлялся, не отстранился. Раздался тихий щелчок застёжек, и она сняла шлем.

Перед ней было его лицо.

Оно было словно выточено из тени и времени: высокие скулы, впалые щеки, задумчивый взгляд светлых глаз, в которых будто тлеёт усталое пламя. Волосы, волнами убранные назад, обрамляют лоб, придавая облику небрежное благородство. Лёгкая щетина и суровая линия рта добавляют ему печальной строгости, нет был изящен аристократичен и устало красив.

Алисса замерла на мгновение, впитывая каждую черту. Затем она мягко положила ладонь на его щеку. Кожа под её пальцами была прохладной, но живой, настоящей.

Её голос, когда она заговорила, был тихим, но абсолютно ясным, и каждое слово было выстрадано и выношено в глубине её души:

– Пред этим небом, пред этой землёй, пред звёздами и

пред тобой, чья тайна стала моим светом, – клянусь. Клянусь идти с тобой в любую тьму и по любой стезе. Клянусь хранить твою тайну как своё сердце и твою судьбу как свою собственную. Моя верность – тебе, моя свобода – с тобой. Я отдаю тебе всё, что я есть, и всё, чем стану. Прими мою клятву.

Он встал, и в его глазах бушевала буря чувств – облегчение, благоговение, страсть. Он не сказал больше ни слова. Он просто притянул её к себе и нашёл её губы своими.

Этот поцелуй не был нежным. Он был страстным, жадным, полным всей тоски ожидания и всей ярости вырванной у судьбы победы. В нём был вкус ночи, тумана, свободы и безумия. Алисса ответила ему с той же силой, цепляясь за его доспехи, будто он был единственной твердыней в рушащемся мире.

Когда они наконец разомкнули губы, чтобы перевести дыхание, он, не разжимая объятий, подхватил её на руки. Белое платье ниспадало складками, её волосы рассыпались по его наплечнику. Он вынес её из часовни, где конь терпеливо ждал. Одним ловким движением он усадил её в седло, затем вскочил сам, обхватив её сзади. Белый плащ накинул на них обоих, как свадебный полог.

– Держись, – сказал он ей на ухо, и в его голосе слышалось ликование.

Конь рванул с места, и они умчались в глубь тумана, оставляя позади руины часовни, спящий город и всю прежнюю жизнь Алиссы. Лошадь несла их вперёд, в серебристую,

непроглядную пелену, где не было дорог, а было только обещание иного мира, начинавшегося прямо здесь, в пьянящем холоде ночи, под звёздами, засвидетельствовавшими их безумную, прекрасную клятву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.